

РЕЦЕНЗИИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ ЮРИСДИКЦИЯ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ
ЦЕРКОВНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ В КИЕВЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ГИПОТЕЗЫ
И КАНОНИЧЕСКАЯ
ВОЗМОЖНОСТЬ

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
и. о. заведующего кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: *Задорнов А. В., прот.* Юрисдикция первоначальной церковной организации в Киеве: исторические гипотезы и каноническая возможность // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 15–30

Аннотация

УДК 348.032

В первой трети XX века русскими историками неоднократно выдвигались гипотезы о неподчинении первоначальной киевской церковной организации Константинопольскому патриархату (М. Приселков, А. Карташев, Г. Вернадский). Впоследствии эти гипотезы были маргинализированы ввиду отсутствия достоверных исторических сведений о таком епархиальном устройстве, однако в последние десятилетия появились новые литургико-канонические основания для возвращения к этой научной гипотезе на новом уровне. В настоящей статье рассматриваются такие основания и их важность для изучения первоначальной древнерусской церковной организации.

Ключевые слова: св. князь Владимир, св. Климент Охридский, М. Приселков, Первое Болгарское царство, Византия, Киевская Русь, епископия, епархия, церковное право, русское каноническое право.

1. Гипотеза о том, что равноапостольный князь Владимир «не ввёл вновь созданную им Русскую Церковь в юрисдикцию Константинопольского патриархата» и, более того, «по всем признакам, с самого начала не признаёт прямого канонического подчинения киевской церкви Константинопольскому патриархату»,¹ привлекает внимание историков уже достаточно давно. Предположения о неконстантинопольской юрисдикции первоначальной церковной организации в Киеве в конце X – первой трети XI вв. отражены как в популярных изданиях, так и в специальных исследованиях. Авторы этих гипотез (как и их опровержений) до недавнего времени оперировали лишь сведениями собственно исторических источников, что представляется сегодня явно недостаточным.

1.1. Теория М. Приселкова является классической² для обсуждаемой темы и сводится к политической мотивации выведения кн. Владимиром киевской церковной организации из-под влияния греческой иерархии с греческим богослужением византийского обряда путём подчинения её независимой на момент крещения Руси Охридской архиепископии с её славянским богослужением того же обряда.³

Радикальность некоторых утверждений М. Приселкова и его последователей верно характеризуется известным немецким исследователем:

«У некоторых исследователей этого направления (прежде всего, у Приселкова) картина вырисовывается таким образом, будто бы единственным или по крайней мере основным интересом новообращённых в христианство русских было бороться против греческого христианства или хотя бы против юрисдикционной зависимости Русской Церкви от Греческой».⁴

- 1 *Карташев А. В.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М.: Терра, 1992. С. 160.
- 2 *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 36–52.
- 3 О славянском богослужении в Первом Болгарском царстве см.: *Пентковский А. М.* Славянское богослужение византийского обряда и корпус славянских богослужебных книг в конце IX – первой половине X веков // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* 2016. Т. 5. № 2. С. 54–120.
- 4 *Мюллер Л.* Проблема христианизации России и ранней истории русского христианства // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: альманах. Вып. 4.* СПб. - Казань, 2015. С. 188. Ср.: *Muller L.* Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln; Braunsfeld, 1959 (Osteuropa und der deutsche Osten, III. 6).

В то же время в пользу этой гипотезы высказываются ставшие известными в последние десятилетия литературные свидетельства.⁵ Ещё в известной научно-популярной работе по истории Древней Руси Л. Н. Гумилёв связывает наличие болгаро-русского контакта в версии М. Д. Приселкова с «дуалистическими мотивами в древнерусской литературе».⁶ Мнение Л. Гумилева согласуется с версией Г. Вернадского, идеологически близкого ему в связи с общей принадлежностью к евразийству.⁷

Та же версия становится основной при интерпретации найденного в 2000 году так называемого Новгородского кодекса – палимпсеста начала XI столетия, зафиксированного на трёх навощённых табличках, позднее дополненных другими находками. Проанализировавший эти тексты академик А. А. Зализняк напрямую связал его с богомилской идеологией⁸ фракийского региона; позднейшие исследования подтвердили «возникшее на основании ранее найденных текстов кодекса предположение, что еретическое религиозное направление, отражённое в Новгородском кодексе («александритство»), восходит к дуалистическим учениям, принесённым во Фракию армянами».⁹

1.2. Радикализацией предположения о неконстантинопольской юрисдикции первоначальной церковной организации Киевской Руси является гипотеза прот. К. Костромина о её полиюрисдикционности.¹⁰ На основании сведений из известных константинопольских нотаций, изданных Даррузесом, автор считает существование византийской

5 Впрочем, следует напомнить и о выводах более ранней статьи: *Сперанский М. Н.* Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы // *Slavia*, г. VII. Praha, 1928–1929. С. 516–535.

6 Срв.: «Вместо союза с Константинопольским патриархатом Русь завязала отношения с Болгарской патриархией в Охриде. Так как с 976 г. Западная Болгария была охвачена антигреческим восстанием, ... то оттуда можно было получать книги, иконы и просвещённых священников» (*Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь / сост. и общ. ред. А. И. Курочки: в 2-х книгах. Кн. 1. М., 1997. С. 303–304).

7 *Vernadsky G.* The Status of the Russian Church during the first half Century following Vladimir Conversion // *The Slavonic Year-Book. American Series.* 1941. I. P. 294–314.

8 *Зализняк А. А.* Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. / А. А. Зализняк // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов.* Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. Москва, 2003. С. 190–212. Ср. также: *Алексеев А. А.* О новгородских вощёных дощечках начала XI в. / А. А. Алексеев // *Русский язык в научном освещении.* 2004. № 2 (8). С. 203–208.

9 *Зализняк А. А.* Указ. соч. С. 211.

10 *Костромин К., прот.* Русская Церковь в последние 15 лет жизни св. князя Владимира // *Костромин К., прот.* Князь Владимир и исток русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб: Изд-во СПбДА, 2016. С. 101.

митрополии в Киеве формальным, допуская сосуществование сразу нескольких иерархий — собственно византийской; корсунской, образовавшей непризнанную Константинополем автономную церковную структуру; болгаро-русской с центром в Охриде; латинской. По мнению автора, в случае последней иерархии «два утверждения — о наличии на Руси нескольких юрисдикций и о доминировании среди них автокефальной, подконтрольной лично князю Владимиру и частично признанной латинским духовенством Польши при посредстве миссионера-идеалиста Бруно, — не являются взаимоисключающими, но прекрасно дополняют друг друга».¹¹

1.3. Приведённые данные заставляют по-новому взглянуть на традиционно скептическое мнение о возможности первоначальной автокефалии киевской церковной организации. Так, современный историк в популярном издании, призванном отражать некий общий взгляд на проблему, пишет: «Повесть временных лет ничего не сообщает о митрополите в Киеве в первые полстолетия после принятия христианства», т. е. до 1039-го года. Поэтому «многие исследователи полагали, что митрополия на Руси установлена примерно в это же время. Согласно различным гипотезам, ранее Русская Церковь либо подчинялась тому или иному церковному центру вне Руси (на роль такого центра предлагались Охрида в Западной Болгарии, Херсонес, Тмутаракань), либо вообще была полностью независима и самоуправляема и состояла из отдельных церковных общин во главе с епископами — наподобие ранней Ирландской церкви.¹² Обе гипотезы цитируемый автор считает несостоятельными, поскольку они опровергаются известными исследованиями А. Поппэ¹³ и др. учёных.

При изучении истории формирования церковной организации на начальном этапе христианизации славянских стран у специалистов различных дисциплин наблюдается известное несовпадение в оценке как источников, так и интерпретации содержащихся в них сведений. Тем самым появляется случай продемонстрировать некоторые возможности обращения к канонической теории там, где историк испытывает недостаток современных свидетельств (причину которых убедительно разъяснил тот же А. Шахматов при исследовании состава Начальной Русской летописи).

11 Костромин К., прот. Русская Церковь в последние 15 лет жизни... С. 113–114.

12 Карпов А. Ю. Владимир Святой. ЖЗЛ. М., 2105. С. 260.

13 См.: Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1968; Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux IXe – XIIe siècles // Byzantion. 1970. Т. XL. P. 65–217.

2. Прежде всего, следует дать предварительный ответ на два вопроса: 1. Какими должны были быть канонические условия, делающие возможной (легальной) предполагаемую независимость киевской церковной организации от Константинопольского патриархата (в виде обсуждаемой степени независимости или же номинального подчинения Охридскому церковному центру) и 2. Какими каноническими прецедентами мог пользоваться св. кн. Владимир при такой организации?

2.1. Современные нормативные изложения территориально-церковного вопроса исходят из двух предпосылок:

- 1) об устроении административного церковного деления на территориальном, а не национальном принципе;
- 2) об изоморфизме территориального церковного устройства государственному политико-административному делению. Исключения из этого правила составляют лишь ставропигии и диаспора. «Такая структура Церкви, — утверждает современный российский канонист, — сложилась в течение первых столетий её истории и с тех пор в основе своей она остаётся неизменной».¹⁴

Однако в действительности анализ не только прямых исторических источников, но и литургических и филологических данных заставляет критически рассмотреть данное заявление и указать на более сложный канонический пейзаж, в том числе и на территории Балкан в IX–X вв., имевший своё отражение и при создании первоначальной русской церковной организации.

2.2. Согласно канонической теории, для церковных подразделений существуют два типа организации, зафиксированные в церковно-правовых актах. Первый тип — *собственно территориальный*, при котором граница каждого канонического подразделения должна совпадать с административным делением государства.

Второй тип церковной организации — *этнический*, не связанный границами конкретной территории, но подразумевающий принадлежность христиан к определённой церковной иерархии в силу этнической самоидентификации — в первую очередь, культурно-лингвистической, а не формально национальной. Такая идентификация подразумевает наличие богослужения и корпуса богослужебных книг (в том числе — Священного Писания) на языке такой группы, а также формирование собственной церковной иерархии.

14 Цыпин В., прот. Каноническое право. М., 2014. С. 376.

Каноническое обоснование того и другого принципа содержится в двух памятниках одной эпохи (40-х гг. IV столетия). Территориальный принцип отражён в девятом правиле Антиохийского Собора:

«В каждой области епископам должно знать епископа, в Митрополии начальствующего и имеющего попечение о всей области, так как в Митрополию отовсюду стекаются все, имеющие дела. Посему рассуждено, чтобы он и честью преимуществовал и чтобы прочие епископы ничего особенно важного не делали без него, по древле принятому от Отцов наших правилу, кроме того только, что относится до епархии, принадлежащей каждому из них, и до селений, состоящих в ее пределах. Ибо каждый епископ имеет власть в своей епархии, и да управляет ею, с приличествующею каждому осмотрительностью, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да поставляет пресвитеров и диаконов, и да разбирает все дела с рассуждением».¹⁵

Согласно наблюдениям русских историков и канонистов П. Гидулянова и Н. Заозерского, деятельность первенствующего епископа митрополии («примаса») регулируется правилами 4–7 I Вселенского Собора, благодаря чему появляется чин митрополита и термин «епархия» для обозначения (территориального) района власти митрополита.

Каноническое обоснование этнического принципа содержится в другой норме, зафиксированной в ту же эпоху середины IV столетия. Апостольское правило тридцать четвёртое гласит:

«Епископам всякого народа подобает знать первого в них, и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения: творить же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый епископ ничего да не совершает без рассуждения всех епископов. Ибо так будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух».¹⁶

2.3. В специальном сочинении, посвящённом этому 34-му апостольскому правилу, Н. Заозерский указывал, что путём терминологической

15 Цитируемый русский перевод, сделанный с Афинской синтагмы, опубликован в: Правила святых Поместных соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2002. С. 163. Оригинальный греческий текст доступен в издании: *Joannou P.-P. Discipline générale antique (IVe – IXe s.)*. Grottaferrata, 1962 (Roma). T. I. Pt. 2: Les canons des Synodes Particuliers, 110–111.

16 Там же. С. 74.

подмены («народ» на «область», «первый (епископ)» на «митрополит»), недобросовестные интерпретаторы «решительно заявляют, что 34-е правило говорит о митрополитской системе церковного устройства, введённой, кстати сказать, только первым вселенским собором».¹⁷ Кроме того, приверженцы такой интерпретации невольно поддерживаются римско-католической канонической теории о папском примате.

По мнению Н. Заозерского, в основу церковной территориальной автономии полагается национальность, что и выражается понятием «этнос». Разница видится в том, что апостольское правило говорит о приспособлении церковного устройства к этническому, а правила Вселенских Соборов — к политическому делению Римской (Византийской) империи. В подтверждение своих взглядов Заозерский обильно ссылается на работу П. Гидулянова о митрополитах первых трёх веков христианства,¹⁸ в которой, действительно, содержится тезис о том, что политическое деление империи было зачастую случайным и не учитывало этническую дифференциацию населения. По точному смыслу этого правила, вся Церковь есть федерация национальных самоуправляющихся Церквей.

По мнению Н. Заозерского, употребление в 34-м правиле термина *ἔθνος*, а не *ἐπαρχία* (область, гражданская провинция), как и термина *πρῶτος ἐνάβτοϊς*, а не более поздних — *μητροπολίτης*, *ἀρχιεπίσκοπος*, *πατριάρχος* — свидетельствует о более древнем происхождении 34-го правила по сравнению с правилами Поместных и Вселенских Соборов.

3. Итак, согласно теории Заозерского-Гидулянова, по точному смыслу 34-го правила и по установившейся уже в III веке практике, примас народной (автокефальной) церкви отличался от прочих епископов прежде всего церковно-юридическими полномочиями: 1) примасу дано право старшего и неперемного члена при совершении епископской хиротонии и 2) право председателя собора епископов.

Имеются свидетельства о существовании таких этнических епископий и после эпохи Вселенских Соборов, в которую нормативной сделалось привычное нам территориальное церковное устройство. Речь идет о ситуации в Первом Болгарском царстве на рубеже IX–X столетий.¹⁹

17 Заозерский Н.А. Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила // Богословский Вестник. 1907. Июль-август. С. 10.

18 См.: Гидулянов П. В. Митрополиты в первые три века христианства. М., 1905.

19 См. классические работы на эту тему: Златарски В. Н. История на прьвото българско царство, 2: От славенизацията на държавата до падането на първото царство (852–1018). София, 1927; Снегаров Иван. История на Охридската архиепископия (от основането и до завладеването на Балканския полуостров от турците). София, 1924.

3.1. В 870 году Константинопольский патриарх Игнатий путём предоставления автономии Болгарской церкви преодолевает унию св. князя Бориса I с римским престолом. В этот период и до начала правления Симеона I в Болгарском царстве действует гомогенная структура церковного управления по территориальному принципу (в Деволе и Главенице). С воцарением Симеона I (893 год) становится возможной гетерогенная структура церковной юрисдикции, параллелизм этнического (епископии с примасом-епископом словенским во главе) и территориального принципов (диоцезы с греческим клиром). Территориально епископии ограничивались резиденцией славянского епископа (городом его кафедры), но юрисдикционно распространялись на всё (этнически) славянское население самого города и его окрестностей. Это позволяло избежать канонически нелегитимного параллелизма иерархий, использовавших различные богослужебные языки.

Территориальный принцип церковной юрисдикции снова стал единственным после признания (в 927 году?) болгарской автокефалии при св. царе Петре I, после чего языковой признак также становится единым, что явилось одним из факторов, способствовавших признанию автокефалии Болгарской церкви.²⁰

3.2. При отмеченных выше болгаро-русских связях невозможно представить себе отсутствие знакомства св. кн. Владимира и его окружения со спецификой церковного устройства в Первом Болгарском царстве. Ещё А. Пресняков заметил, что упоминаемые в Начальной русской летописи при Владимире «попы и книги несли в русскую среду болгарский церковный язык и болгарскую письменность» удивляясь при этом, почему известные нам источники молчат об обращении св. Владимира в Охридский церковный центр для ликвидации кадрового дефицита клириков после крещения. Причину историк видит ту же, что и в случае возникновения корсунской легенды, путаницы со списками и именами киевских митрополитов и т. д. — тенденциозное искажение «к вящей славе Византии» всей ранней истории русского христианства, видя в этом «глубокое основание гипотетических построений Приселкова».²¹

20 Подробнее об этнических епископиях в Первом Болгарском царстве см.: *Задорнов А. В., прот. Территориальные епархии и этнические епископии в структуре церковной организации Первого Болгарского царства (канонический аспект) // Slovĕne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2016. Т. 2 № .5. С. 135–121.*

21 *Пресняков А. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 355.*

В этой связи хотелось бы обратить внимание на показанную прот. В. Мошиным²² необходимость связей св. Владимира с Охридом.

Некоторое дополнительное доверие мнению В. Мошина придаёт тот факт, что, будучи практикующим священником, он лучше мог реконструировать некоторые аспекты церковного устройства, недоступные связанному только историческими свидетельствами специалисту. Так, им следующим образом определяется необходимый минимальный состав корпуса богослужебных книг, имевшийся в распоряжении первоначальной киевской иерархии: Евангелие, Апостол, Служебник с Требником, Псалтирь, Часослов, сокращенный Октоих, сокращённая Триодь постная и цветная, праздничная Минея, Паремийник. Сюда же логика организации церковной структуры относит необходимость наличия Номоканона и рукописей агиографического (житийная литература) и учительного (проповеди) содержания. Современные исследования подтверждают эту догадку.²³

«В X в., — считает В. Мошин, — всё это легко могло быть получено из соседней Болгарии при Игоре и Ольге. Если же считать, что в Киеве уже при Святославе было несколько христианских храмов, то придётся предположить, что и до Владимира I церковная книга из Болгарии должна была приходиться на Русь в более значительном количестве рукописей».²⁴

Непосредственные связи Киевской Руси после крещения со славянскими Балканами В. Мошин предполагает очень недолговечными, около двенадцати лет (с присоединения Преслава к державе Самуила в 989 году до занятия Византией всего северо-востока Балканского полуострова). Напомним, что А. Шахматов считает также начало X столетия временем перехода (ещё во время жизни св. Владимира) епископий киевского государства от болгарского к константинопольскому подчинению.

22 См. в статье: *Мошин В.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. С. 28–106 // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. XIX: Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур.

23 См.: *Пентковский А. М.* «Охрид на Руси: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях» // Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилметодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски» (Охрид, 3–4 октомври 2013). Скопје, 2014, 43–65. С. 56–57.

24 *Мошин В.* О Указ. соч. С. 52.

Частным свидетельством этих связей являются следы влияния правовых источников латинского происхождения, о чём убедительно свидетельствовал ещё Н. Суворов в полемике с А. Павловым.²⁵ При этом речь идёт не просто о терминологии и лексике, но и области собственно канонических норм. Так, по свидетельству В. Мошина, «десятина» является не только термином, а важнейшей нормой западного церковного права, вошедшей в русский юридический быт, которая сама по себе говорит о силе западного влияния в данной области, так же как и упомянутая церковная терминология.²⁶ Подобное заимствование латинской канонико-литургической терминологии может быть названо традиционным для деятельности «святых седмочисленников» начиная с равноапостольного святителя Мефодия.

3.3. В этом смысле, замечает В. Мошин, быть может, заслуживает большего внимания и ссылка П. Лавровского и Б. Ангелова на известие даже такого сомнительного источника, как Иоакимовская летопись, с её сообщением о том, что болгарский царь Симеон послал на Русь учёных иереев и «книги довольны». Эта осторожная фраза до сих пор вызывает ироничные замечания у современных противников теории о происхождении ранней русской церковной иерархии из Охридского церковного центра. Так, А. А. Турилов отказывает последней в праве на существование в связи с тем, что «полная несостоятельность данной гипотезы была вполне обоснована полвека спустя после работы Приселкова А. Поппэ, а аргументация В. А. Мошина, игнорирующего отсутствие в русской традиции следов почитания западноболгарских святых и апеллирующего к известиям Иоакимовской летописи, может вызвать лишь недоумённое сожаление».²⁷

В действительности, как показывает изучение древнерусских богослужебных книг, существует очевидная связь последних с литургической традицией не константинопольского, но южноитальянского и балканского происхождения, зафиксированной в греческих богослужебных

25 Ход полемики отражен в работах: *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888; *Павлов А. С.* Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892; *Суворов Н. С.* К вопросу о западном влиянии на древне-русское право. Ярославль, 1893.

26 *Мошин В.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей ... С. 48.

27 *Турилов А. А.* К истолкованию надписи на краснофонной иконе св. Климента из зарубежного частного собрания: «великий епископ» или «епископ Великий»? // Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина (История и культура славян IX–XVII веков). М., 2011. С. 67.

текстах, переведённых в охридско-преспанском регионе св. Климентом и его учениками. Как отмечает современный исследователь этого вопроса А. М. Пентковский, такое «заимствование литургической традиции и связанных с ней богослужебных книг было возможным только при наличии государственных и церковных отношений между Киевом и Преспой, что, в свою очередь, подтверждает справедливость предположений, высказанных М. Н. Приселковым на основании изучения исторических источников».²⁸

Тем самым сегодняшние научные представления о каноническом правоприменении и литургической жизни славянских церковных организаций в X–XI вв. как минимум не позволяют оставлять теорию М. Приселкова по-прежнему на периферии научной мысли, но требуют возвращения к её положениям с применением новых данных междисциплинарных исследований.

4. Вышеописанная каноническая модель церковной организации (славянский язык богослужения благодаря западноболгарской трансляции переводных литургических и частично оригинальных канонических источников) имела своим прецедентом ситуацию в I Болгарском царстве, традиции которого продолжало государство Самуила, а ещё ранее, по-видимому, — в архиепископии св. равноапостольного Мефодия Моравского.

Связующим звеном между этими моделями служит деятельность св. Климента Охридского по организации славянского богослужения византийского обряда в первой славянской этнической епископии, входившей в состав Болгарской архиепископии.

Остаётся задаться вопросом: не мог ли св. Владимир экстраполировать на собственное княжество переходную модель существования епископий со славянским языком богослужения в Первом Болгарском царстве, имея в качестве ближайшей цели некоторую независимость от Константинополя или даже номинальную зависимость от церковной организации государства Самуила?

4.1. После утверждения славянского языка богослужения и введения в активное использование корпуса как богослужебных книг, так и (что особенно важно для нашей темы) канонических источников в этих

28 Пентковский А. М. «Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях // Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски» (Охрид, 3–4 октомври 2013), Скопје, 2014. С. 58.

епископиях, греческой иерархии (при окончательном оформлении митрополии в Киеве) невозможно уже было требовать эллинизации богослужения с той настойчивостью, с которой она могла бы это делать без такой организации.

Канонические нормы создания церковной независимости предполагают наличие нескольких важных факторов.²⁹ И если правовые материальные условия автокефалии (воля церковного народа и клира, поддержка со стороны государственной власти) являются легкодостижимыми, то условия формальные требуют особой работы по их созданию, поскольку свидетельствуют о способности церковной организации к самостоятельности. Главным формальным условием является наличие как минимум четырёх епископов новой самостоятельной церковной организации, что делает возможным выполнение канонической нормы о епископской хиротонии тремя архиереями (I Вс. 4; Лаод. 12). Отсюда можно, в частности, сделать предположение о минимальном необходимом количестве епископий во время правления св. князя Владимира.

4.2. Относительно распространённого (и упомянутого нами в п. 2.1) представления об обязательном соответствии территориального церковного устройства государственному политико-административному делению следует отметить, что оно основано на историческом прецеденте из ранней истории Церкви. Так, уже Второй Вселенский Собор 381 года своим вторым каноном «обнаружил явную тенденцию провести в церковном устройстве восточной империи группировку епископов соответственно государственным диоцезам».³⁰ Тот же автор отмечает отсутствие применения указанного принципа именно на Балканах, когда «император Лев Исавр распространил ещё церковную власть Константинопольского патриарха на провинции восточного Иллирика (Македония, Албания, Королевство Греческое о. Критом, Сербия, Черногория и Зап. половина Болгарии)».³¹ При этом восточный Иллирик ещё при императоре Феодосии Великом принадлежал Восточной империи, но оставался в церковном подчинении Римской кафедры.

Этот тезис должен быть пересмотрен и на примере епархиальной структуры в Киевской Руси последних лет существования Первого Болгарского царства. Как утверждает современный русский исследователь этого вопроса, «в науке пока не предложено вполне убедительно

29 *Троицки Сергије Викторович*. Црквено право. Приређивач и редактор проф. др Драган М. Митровић. Београд: Правни факултет универзитета у Београду (Библиотека Светска правна баштина, 15). 2011. С. 425–450.

30 *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 2004. С. 29

31 Там же. С. 30.

картины первоначальной епархиальной структуры Киевской митрополии — причём не столько по недостатку источников (в медиевистике и никогда не бывает достаточно), сколько по увлечённости исследователей идеей, будто утверждение владычных кафедр непременно должно было иметь политические причины. Нельзя отрицать, что подобного рода причины играли свою роль — особенно со строй половины XI столетия, но нельзя также не видеть, что в более раннее время зависимость структуры церковного управления на Руси от внутривластных обстоятельств не могла быть столь тесной».³²

5. Как видим, исторические свидетельства необходимо должны подкрепляться изучением историко-канонических и канонико-литургических аспектов. Канонически легальная и литургически полноценная организация первоначальной русской церковной жизни была бы невозможна без одновременной санкции как церковной, так и государственной власти на использование славянского богослужебного языка в новообразованных епископиях.

Имеющиеся сегодня исторические, археологические, литургические и искусствоведческие данные говорят о большей связи киевской церковной организации начала второго тысячелетия с балканским охридско-преспанским регионом по сравнению с собственно византийской (преимущественно константинопольской) экуменой. Отмеченные выше виды и примеры подобных связей позволяют говорить об известной доле их соответствия тем каноническим характеристикам, которые необходимы для создания церковной автономии и, тем более, получения автокефалии. Это, прежде всего, 1) наличие комплекса богослужебных книг, обеспечивающих литургическую составляющую функционирования славянской церковной организации в Киеве, и 2) легитимация национальной епископии через ссылки на канонические нормы (34 Апостольское правило в переводе, сохранившимся в составе Устюжской кормчей) и исторические прецеденты (этнические епископии в Первом Болгарском царстве).

Именно эти характеристики позволяют преодолеть сложившийся *исторический скепсис* во взгляде на первоначальную церковную организацию в Киеве и служат необходимыми предпосылками для постановки вопроса о *канонической* возможности неконстантинопольской юрисдикции киевской церковной структуры в означенный период.

32 Назаренко А. В. Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура Церкви в Древней Руси (конец X–XII век) // Древняя Русь и Славяне: (историко-филологические исследования) / А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 189.

Источники

- Правила святых Апостол и святых отец с толкованиями. М.: Паломник, 2002.
- Правила святых Поместных соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2002².
- Joannou P.-P.* Discipline générale antique (IVe – IXe s.). Grottaferrata, 1962 (Roma). T. I. Pt. 2: Les canons des Synodes Particuliers.

Литература

- Алексеев, А. А.* О новгородских вощёных дощечках начала XI в. / А. А. Алексеев // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 203–208.
- Гидулянов П. В.* Митрополиты в первые три века христианства. М., 1905.
- Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь: в 2-х кн. / сост. и общ. ред. А. И. Курчки. Кн. 1. М., 1997.
- Задорнов А. В., прот.* Территориальные епархии и этнические епископии в структуре церковной организации Первого Болгарского царства (канонический аспект) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2016. Т. 5. № 2. С. 121–135.
- Зализняк, А. А.* Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. / А. А. Зализняк // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. Москва, 2003. С. 190–212.
- Заозерский Н. А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила // Богословский Вестник. 1907. Июль-август.
- Златарски В. Н.* История на прьвото българско царство, 2: От славенизацията на държавата до падането на първото царство (852–1018). София, 1927.
- Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2015. (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып. 1522).
- Карташёв А. В.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М.: Terra, 1992.
- Костромин К., прот.* Русская Церковь в последние 15 лет жизни св. князя Владимира // Костромин К., прот. Князь Владимир и исток русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб: Изд-во СПбДА, 2016.
- Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. XIX: Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур. С. 28–106
- Мюллер Л.* Проблема христианизации России и ранней истории русского христианства // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: альманах. Вып. 4. СПб. - Казань, 2015.
- Назаренко А. В.* Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура Церкви в Древней Руси (конец X–XII век) // Древняя Русь и Славяне: (историко-филологические исследования) / А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.

- Павлов А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892.
- Пентковский А. М. “Охрид на Руси”: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях // Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир “Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски” (Охрид, 3–4 октомври 2013), Скопје, 2014. С. 43–65.
- Пентковский А. М. Славянское богослужение в архиепископии святителя Мефодия, у: Ј. Радић, В. Савић, уред., Свети Ѓирило и Методије и словенско писано наслеђе: 863–2013 (= Старословенско и српско наслеђе, 1), Београд, 2014. С. 25–102.
- Пентковский А. М. Славянское богослужение византийского обряда и корпус славянских богослужебных книг в конце IX – первой половине X веков // *Slovène = Slovĕne*. International Journal of Slavic Studies. 2016. Т. 5. № 2. С. 54–20.
- Пресняков А. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913.
- Снегаров Иван. История на Охридската архиепископия (от основането и до завладеването на Балканския полуостров от турците). София, 1924.
- Сперанский М. Н. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы // *Slavia*, r. VII. Praha, 1928–1929. С. 516–535.
- Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.
- Суворов Н. С. К вопросу о западном влиянии на древне-русское право. Ярославль, 1893.
- Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004.
- Троицки Сергије Викторович. Црквено право. Приређивач и редактор проф. др Драган М. Митровић. Београд: Правни факултет универзитета у Београду (Библиотека Светска правна баштина, 15). 2011.
- Турилов А. А. К истолкованию надписи на краснофонной иконе св. Климента из зарубежного частного собрания: «великий епископ» или «епископ Великий»? // Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софийнина (История и культура славян IX–XVII веков). М., 2011.
- Цыпин В. А., *prot*. Каноническое право. М., 2014.
- Muller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln; Braunsfeld, 1959 (Osteuropa und der deutsche Osten, III. 6).
- Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968.
- Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux IXe-XIIe siècles // *Byzantion*. 1970. Т. XL. P. 65–217.
- Vernadsky G. The Status of the Russian Church during the first half Century following Vladimir Conversion // *The Slavonic Year-Book*. American Series. 1941. I. P. 294–314.

Jurisdiction of the Original Church Organization in Kiev: Historical Hypotheses and Canonical Opportunity

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology, Associate Professor at the Department of Applied Church Disciplines of Moscow Theological Academy
Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia
azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "Jurisdiction of the Original Church Organization in Kiev: Historical Hypotheses and Canonical Opportunity". *Praxis*, vol. 2, no. 2, 2019, pp. 15–30

Abstract. In the first third of the 20th century historians repeatedly made hypotheses of non-obedience of the ancient Kiev's Church organization to the Constantinople patriarchy (M. Priselkov, A. Kartashev, G. Vernadsky). At the last decades the new canonical and liturgical bases for return to this scientific hypothesis at the new level have appeared. In the article such bases and their value for this historical hypothesis are considered. Overview of the features of the canonical status of Church structures in the Kievan Rus' the turn of the two millennia allows in the future to clarify the thesis in Canon law on the ratio of territorial, national and public administration principles in the formation of the Church in its history.

Keywords: historiography, Deuteronomistic History, biblical archeology, ostracons, papyri, parchments, Near-Eastern literature, the History about the Rise of David, the written legends, the didactics of the stories about kings.